

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ГОЛОВ

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ СТИХ

НАЗАРЯНИН

*Многие же постилали
одежды свои по дороге.
Марк, 11:3*

Многие хлеб преломили и замерли на пороге,
И от хвороб и услад на час оторвали плоть.
Многие постилали одежды свои по дороге
И восклицали: — Благословен Господь!
Теснились пышные мантии и ветошь — заплата к заплате,
А Он не только воздетой дланью Своей —
Даже тенью, даже копытом осляти
Не прикоснулся к ней.

Книжники разбредались по строчкам хроник и логий,
Лишь бы не думать, что сердце без веры мертво.
Многие постилали одежды свои по дороге
И собирали пыль, задетую тенью Его.
Но ни крупинки на них не пристало и не осталось:
Слишком много гордыни виссоном вплелось в хитон,
Слишком много скверны вцепилось в талес —
И это отринул Он.

ГОЛОВ Андрей Михайлович (1954—2008) родился в Москве. Окончил курсы при Институте иностранных языков им. М. Горького. Переводил с английского и немецкого. В издательствах “ЭКСМО” и “Росмэн” вышло более 40 книг в его переводах. Автор поэтических сборников “На берегу времени” (1997 г.), “Попытка к бытию” (2006 г.). Жил в Москве

Клонились римские боги. Пилат сутулился в тоге,
Час приближался — и парки обрывали и пряли нить.
Многие постилали одежды свои по дороге,
Но лишь немногие душу удостоились постелить.
И Он проехал сквозь вайи и величальные клики,
Благословляющей милостью размыкая уста.
И люди дивились свету в очах Его и на лице —
А это был свет Креста.

АНГЕЛ ЗЛАТЫЕ ВЛАСЫ

Слава дольняя, вспыхнув, как встарь,
Кротко высушит капли росы.
В душу кесаря и на алтарь
Смотрит Ангел Златые Власы.

О, не плачь, Византия, не плачь,
Что так близок и яростен суд,
А над хрониками неудач
Бирюзовые очи цветут.

Пусть отъидут апостолы, пусть
Крест чалмой обмотает пророк:
Ты ведь ведаешь всё наизусть,
Что Распятый Учитель прорёк.

Твои ратники, аки трава,
Полегли на османских мечях —
И уже не Босфор, а Москва
Отражается в скорбных очах.

Над орарями русских рек,
Где Святая земля на весы
Возлегла, — не смежай своих век,
Светлый Ангел Златые Власы...

УРИЯ

В граде Израилевом — радость и плеск вина,
А взор твой печально ранен.
Ужели тебе опять броня и брань суждена,
Урия хеттиянин?

Ты гоев перед Израилем, не жалея крови и сил,
Попирал копьём и пятою.
Но Бог жену твою верную на беду тебе наградил
Нестерпимую красотой.

Отвага твоя обречённая у стен чужих удивит
Аида и инородца,
А жену твою верную будет ласкать Давид
И чад от неё дождётся.

Он отложит псалтырь ради её кудрей,
И кагал его не осудит.
А воздавший лобзание изрубленной плоти твоей
Нечист до заката пребудет.

Сыны Израиля бросят к подножию алтаря
Вражьей кровью омытое поле.
А слава твоя — лишь кисть на талесе царя;
Ты — гой и слуга, не боле.

Но Богу ведома отчая благодать:
Ты — сын Его. И чрез это
Не перескочит Давид, привыкший скакать
Перед ковчегом Завета.

СВЕТЕ ТИХИЙ

Е. Г. Басовой

Седовласые главы, Кротость юных румян...	Здесь — простор, и свобода, И апостольский быт,
Тихий свет святой славы, Осияй христиан.	И у выхода-входа Пастырь Добрый стоит.
Осияй их, Христовых Агнцев — братьев, сестёр —	Тамо — демонски брашна Брызжут адским огнём.
Повсечасно готовых Под топор, на костёр.	Но ничто им не страшно: Лишь бы — с Ним, лишь бы
Рим, как треснувший килик, О простор свой разбит,	— в Нём. Лишь бы, кровью живую
В мозаиках базилик Суд неправый творит.	Смыв с души грешный прах, Стать последней овцою
Катакомбная плесень И евангельский стих.	На Христовых плечах.
Как кровав он и тесен, Рах готапа, для них!	И, за час до расправы Возвратясь в мир и Рим,
По седым подземельям — Свет нездешней весны,	Тихий свет святой славы Внять всем сердцем своим.
И духовным весельем Очи верных полны.	И, прощальные речи Бессловесно творя, В свет шагнуть — к скорой встрече У престола Царя.

КАППАДОКИЙЦЫ

Смотри: по ветхим трещинам левкаса
Уходят к Иисусу и в века
Христовы трудники второго часа —
Отцы Каппадокийского кружка.

Уходят, к тени ангельских воскрылий
Стремя сердца и посохи свои, —
Григорий, и Григорий, и Василий,
Стопами в быте, духом в бытии.

Они, к струе гностической отравы
Притрагиваясь кончиком ресниц,
Светлы и веселы, а значит — правы
И вправе простереться верой ниц

Пред Истиной, избравшей их скитанья,
И перья, и прозренья, и уста
Для ослепительного начертанья
Всего, о чём крылатый жест креста

До времени немотствовал, чтоб семя
Ученья, выбрав меру и число,
Созрело, избрало благое время
И добрый плод сторицей принесло

Повсюду, от пустыни и до моря,
На стогнах, где в языческой пыли
Григорий, и Василий, и Григорий
Свои стези и свечи пронесли...

У КИОСКА “СОФРИНО”

Мазками модернистского письма
Толпа пестрит над третьеримской пылью,
И образ “Прибавления ума”
Над ней возносит ангельские крылья.

А дождь вплетает вертикали струй
В горизонтالي городского быта,
Узор китайской мистики шань-шуй
Творя ненарочито-деловито.

Москва язык ломает вперегиб
Губищами своими и устами,
Торгуя на закате эры Рыб
Котятами, “Распутинской”, крестами.

Джаз-банда хриплым банджо и трубой
Из душ и кошельков вниманье тянет,
И мчатся от судьбы и за судьбой
На иномарках инороссияне.

Цыгане переходят путь беде
И новый век спешат спасти от сглаза,
Гадая по рубиновой звезде
И профилям диаспоры Кавказа.

И смотрит в душу каждую и час,
Скорбя об упоительной отраве,
Измученный Нерукотворный Спас,
Распятый на Голгофах новой яви.

Публикация Светланы Головой